

УДК 316.33.52-053.81 (571.6)

© А. Р. Мивилдадзе, 2008

СТУДЕНЧЕСТВО ГОРОДА ХАБАРОВСКА: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Мивилдадзе А. Р. – канд. экон. наук., доц. кафедры «Экономика и менеджмент» проректор по воспитательной работе и социальным вопросам (ТОГУ)

Статья посвящена построению типологии ценностных ориентаций студенчества города Хабаровска. Основой для построения типологии выступают отношения к учебе, к будущей карьере, к различным предметам обучения в вузе. Предлагается в зависимости от выделяемых стратегий определить и различные способы преподавания, формы педагогической активности самих педагогов и вуза как образовательного института.

The article is devoted to the development of typology of value orientations of Khabarovsk students. The basis for the typology development is their attitude to studies, future career, various subjects taught at the university. The author suggests defining various ways of teaching and different forms of pedagogical activities of both the faculty members and a university, as an educational institution, depending on the chosen strategies.

Ключевые слова: студенчество, социальная группа, социальные стратегии, типология, социальные практики.

Одной из наиболее динамичных социальных групп современного российского общества выступает студенчество. Это обстоятельство делает его объектом постоянного и пристального внимания и со стороны государственных структур, и со стороны исследователей. Не исключение и студенчество города Хабаровска – предмет нашего исследовательского интереса. Однако достаточно часто социологи исходят из представления об его гомогенности, изучая социальные характеристики группы как целое. Что не всегда корректно. Наряду с общими для всей группы социальными характеристиками, имеет место доста-

точно широкий разброс, связанный со стартовыми позициями, довузовской социализацией, образами будущего. В предлагаемой вниманию читателя работе попытаемся выстроить типологию различий в рамках группы, описать социальные стратегии, свойственные каждому из выделяемых типов.

Эмпирическое описание студенчества имеет три стороны. Первая из них – формальное, фактическое положение дел в сфере высшего образования. Именно здесь пребывает студенчество как социальная группа, именно характеристики образовательного пространства задают стратегии поведения студента. С этой точки зрения, студенты в Хабаровске являются наиболее благополучной группой населения. За годы реформ сфера высшего образования (одна из немногих) пережила настоящий взлет. Почти в три раза увеличилось количество вузов, в 4 раза вырос перечень специальностей и специализаций, по которым ведется подготовка. На сегодня в Хабаровске существует 21 высшее учебное заведение. Из них 9 вузов являются государственными, 6 – частными, 6 вузов представлены филиалами (данные Министерства образования Хабаровского края на 2006 г.). Студенты высших учебных заведений составляют по разным данным от 35 до 45 тысяч человек. Наиболее престижными, по результатам опросов, являются «старые» государственные вузы: ХГАЭП, ТОГУ, ДВГУПС, ДВГМУ, ДВГГУ, ДВАГС. Здесь же сосредоточено подавляющее большинство студентов. В силу этого обстоятельства, а также в силу возможности проведения исследования сосредоточим свое внимание на трех вузах города: Тихоокеанском государственном университете, Хабаровской государственной академии экономики и права, Дальневосточном государственном университете путей сообщения ($n = 437$). Для того чтобы придать нашим выводам большую репрезентативность относительно генеральной совокупности – студентов города Хабаровска, используем результаты социологического исследования, проведенного под руководством профессора Н. М. Байкова в 2002 г. по всем вузам города ($n = 835$) [1].

Студенты рубежа XX и XXI в. – одна из самых благополучных по социальным показателям группа молодежи. Здесь, по данным краевого комитета по молодежной политике, несколько ниже уровень правонарушений, ниже показатели по наркомании и суициду. В целом, студенты происходят из более обеспеченных семей. Однако такой формальный анализ не дает реальной картины жизни социальной группы. Он с необходимостью должен дополняться еще двумя точками зрения: «внешней» и «внутренней». Внешняя точка зрения – мнение о студентах лиц, не принадлежащих к данной группе. Внутренняя точка зрения

– мнение о студентах самих студентов. Во многих отношениях вторая точка зрения есть детализация первой. И первая и вторая точки зрения построены не столько на знании и анализе положения дел, сколько на устойчивых представлениях, мифах. Но эти мифы представляют собой не просто предубеждения, а некие ориентиры для организации стратегий социального поведения студентов и по отношению к студентам. В силу этого мы считаем необходимым их описание.

Пожалуй, ни одна профессиональная социальная категория в трансформирующейся России 1991 – 2008 г. (за исключением маргинальной части общества) не обросла таким количеством мифов, как категория «студенчество». Этому служат несколько обстоятельств.

1) Студенчество изначально представляло собой выделенную группу населения. Эта группа не участвует в системе общественного производства и воспроизводства, но пользуется достаточно высоким престижем. Такое противоречие невольно вызывало общественный интерес, который проявлялся в мифотворчестве.

2) Именно студенчество оказалось единственным, сохранившимся с советских времен легальным каналом восходящей социальной мобильности.

3) Студент в России изначально был мифологизированным персонажем.

Конечно, наше понимание «мифа» исходит не из значения «архаичные космологические представления», а из семиотики Ролана Барта [2, с. 110 - 117]. В 1960-е годы Ролан Барт вообще отошел от актуальнейшей проблемы западноевропейской социальной мысли того времени – описания коммуникативной функции естественного языка, сосредоточился на функциональной семиологии и стал рисовать общество как организм, постоянно создающий знаки и с их помощью структурирующий действительность. Таким образом, Р. Барт стал описывать социальную практику как вторую по отношению к естественному языку систему, смоделированную по его образцу и в свою очередь его моделирующую. В этом смысле теория Барта – семиотическая ипостась социологии. Определение мифа, данное Р. Бартом («неверифицируемое социальное знание о мире»), дает нам возможность зафиксировать и исследовать основания социальных стратегий студенчества, описать варианты внутри исследуемой группы.

В рамках подобного подхода нами было выделено четыре образа-мифа, каждый из которых репрезентировал собственную стратегию социального поведения. Миф здесь – это представление о том, что такое студент и для чего необходимо им быть. На основании этого мифа определяются социальные стратегии студенчества, целевые установки.

На основании качественного и количественного исследований в качестве таких образов выделяются четыре типа мифологических представлений.

В рамках первого образа (мифа) студенчества только человек, имеющий высшее образование (не принципиально какое), может считаться социально полноценным [6]. Высшее образование для носителей данного образа воспроизводит древнейшие инициационные обряды. Человек «входит» в пространство образования, выполняет необходимые ритуалы и покидает его уже полноправным членом общества. Понимание смысла ритуала не обязательно. Более того, излишне. Важно его пройти. Решить «трудную задачу».

Поскольку главный смысл образования состоит в его получении, то все, что входит в этот процесс (лекции, семинары, зачеты и т.д.), необходимо просто преодолеть. Соответственно наиболее успешной оказывается здесь «теневая» стратегия преодоления (взятка, давление на преподавателя, договор и т.д.). Ее специфика в новых условиях состоит в некоторой институционализации процесса. Эти отношения перестают быть отношениями «преподаватель – студент» или «родители студента». Возникает сеть посреднических структур (чаще, учебно-вспомогательный персонал, реже – сами студенты или преподаватели), которые берут на себя «договор». По мнению респондентов, в той или иной форме в этой фигурации задействованы *все* студенты и преподаватели.

Однако далеко не все студенты делают ставку на «черные» стратегии. Ведь ритуал, если он задан, необходимо выполнять. Однако облегчить себе выполнение ритуала никем не запрещено. «Белые» стратегии здесь сводятся к «работе на автомат», если преподаватель предоставляет такую возможность или «борьбе» с преподавателем, используя администрацию факультета (института).

Во многих интервью и при опросе (18,7 %) именно получение «автомата» рассматривается как главный мотив при работе в СНО, участии конференции, выполнении рефератов и подготовке к докладам. Но важным здесь, как показывает интервьюирование, является не только выполнение дополнительных работ, но и создание особых отношений с преподавателем. Здесь студенты показывают себя достаточно изоциренными психологами.

Давление на педагога используется только в том варианте, если все остальные формы завоевать симпатию не работают. Здесь формы самые разнообразные. Может быть подстроен «срыв занятия», грубость, конфликт. Достаточно часто педагог обвиняется в вымогательстве (если не могут понять требований) или в сексуальных домогательствах. В

одном интервью сообщалось о том, что к подобной практике призывали студентов сами педагоги для решения межличностного конфликта. Можно выделить и ряд «серых» стратегий, совмещающих в себе и «теневые» и «легальные».

Второй образ студента, как самого свободного человека в этом обществе, пожалуй, самый архаический. Еще со времен вагантов и до самых последних студенческих лет свобода студенческой жизни воспевалась в литературе, на эстраде, в кинематографе. Но и сегодня он является вполне притягательным. По мнению респондентов, студенчество – это возможность легитимно продлить период беззаботности, детства. Социальные стратегии здесь, как таковые, не выходят за пределы времени обучения.

Существуют особые стратегии увеличения «беззаботного периода» за счет академических отпусков, переносов сессии «по болезни» и т.д. Сторонники этой группы вполне охотно «договариваются» с преподавателем. Если это оказывается затруднительным, «покупают» готовые лабораторные, курсовые, дипломные работы. Они самые активные потребители на этом, вполне сформировавшемся рынке услуг. Основная часть жизни этой подгруппы протекает помимо учебных аудиторий, но часто, в стенах вуза. Они бывают вполне прилежными участниками кружков, самодеятельности, дискотек. Часто именно представители этой группы сами выступают как посредники между студентами и преподавателями. Чаще этот образ выдвигали выходцы из верхнесреднего слоя. Однако в ряде случаев «инфантилизм» проявлялся и у выходцев из иных слоев.

Третий, упоминаемый в опросах, образ базируется на достаточно старом мифе эпохи становления разночинцев. Высшее образование здесь возможность сделать карьеру, условие успешности этой карьеры [7]. Студенты, воспроизводящие этот образ, подразделяются на несколько групп в зависимости от стартовых позиций и возможностей родителей. Студенты, приехавшие из отдаленных городов и поселков. Здесь задача – «остаться в городе». Большая часть сторонников этого образа имеют к третьему курсу работу или (если учатся на младших курсах) собираются ее найти. Они наиболее полно «отрабатывают» учебную программу. «Договариваются» здесь, как правило, только о «ненужных» предметах. В перечне чаще других отмечали гуманитарный цикл, физкультура, КСЕ и т.д.

Здесь высшее образование выступает фактором преодоления географического неравенства. Не секрет, что в современной России, а особенно – на Дальнем Востоке, уровень жизни в крупных городах и отдаленных населенных пунктах сильнейшим образом отличается. В

городах больше возможности для самореализации, карьерного роста, выше заработная плата, лучше и дороже жилье. Однако в силу этих обстоятельств переезд в более привлекательный район (город) оказывается невозможен. Для этого необходимы деньги и связи. На то чтобы приобрести их, нужно время. Его-то не оказывается у приезжих. В системе образования приезжий получает на пять лет относительно дешевое жилье, общение и легальность пребывания. Все это резко повышает шансы на то, чтобы стать своим, влиться в местную жизнь.

Несколько иную стратегию реализуют городские дети, чьи родители занимают нижнесредний слой в предложенной нами стратификационной модели. Они жестко делят предметы на нужные и ненужные. От последних откупаются, используя все варианты.

Часто они совмещают несколько образовательных траекторий (параллельное обучение в разных вузах, на разных специальностях). Они, как и предшествующая подгруппа, стремятся найти работу уже в период обучения. У них, часто, высокий начальный уровень подготовки, что позволяет легче овладевать профессией. Как правило, они представители династии во втором или более поколении.

Последний образ сводится к идее о том, что хорошо живут те, кто хорошо учились. Именно этот образ педалировался в официальной пропаганде советского времени. Его воспроизводят, по большей части, выходцы из базовых слоев. Они тщательно выполняют все задания, не задаваясь вопросом об их осмысленности. Не прикладывают усилий к поиску работы в период обучения и испытывают большие трудности после окончания учебы, если не попадают в аспирантуру.

В рамках этих слоев и формируются основные стратегии поведения студентов. Сами эти стратегии все более реализуются в параллельных пространствах, не пересекаясь друг с другом. Анализ основных (представленных в эмпирическом материале) стратегий поведения показывает, что высшее образование и сама студенческая группа все более явно распадается на три различных кластера: группа социально опекаемых (социальный вуз), группа работников-специалистов (профессиональный вуз) и группа элитных специалистов (элитный вуз). Думается, что процесс легализации этих типов вуза не заставит себя ждать.

Попытаемся выстроить типологию социальных стратегий студенчества и, исходя из нее, построить типологию самой исследуемой группы. Эта типология в минимальной степени оказывается связанной с внутренней стратификацией группы. Сами типы не находятся друг относительно друга в отношениях соподчинения, не воспринимаются как неравенство. С другой стороны, именно в рамках этих типов воз-

никает устойчивая коммуникация, которая способствует появлению новых солидарностей в микрогруппах. Сами эти солидарности позже, за пределами исследуемой группы, способны оказать существенное влияние на социальную стратификацию общества.

Однако прежде чем перейти к построению типологии, необходимо определить, что мы понимаем под категориями «социальная стратегия» и «социальная группа» применительно к «студенчеству». Под «социальными стратегиями» студенчества понимаем набор учебных и внеучебных социальных практик. К первым относятся:

- тип поступления (платный / бесплатный, с использованием неформальных стратегий / без их использования);
- стратегии получения зачетов и экзаменов (формальные / неформальные, легальные / нелегальные, одинаковые во всех случаях / различающиеся в зависимости от характера предмета);
- цель обучения (получение диплома, получение знаний, необходимых при трудоустройстве, самореализация, продление стадии беззаботного детства).

Под внеучебными стратегиями мы понимаем организацию коммуникации в рамках студенческого коллектива. Здесь выделяются следующие типы:

- коммуникация в рамках учебных мероприятий (в процессе учебы и по поводу учебы);
- коммуникация в рамках внеучебных (общественных) мероприятий (художественная самодеятельность, КВН, студенческие конференции, клубы, спортивные секции и т.д.);
- коммуникация за пределами вуза (молодежные дискотеки, фестивали, неформальные молодежные объединения и т.д.).

Из перечня переменных видно, что социальные стратегии студентов в учебном пространстве формализованы гораздо четче. Это понятно, поскольку именно по отношению к ним и конституирует себя группа. С другой стороны, один из базовых образов, являющихся основанием стратегии («инфантильный»), предполагает как раз преобладание внеучебной (неспецифической) деятельности.

Понятно, что не один из параметров не встречается в «чистом виде». Большая часть студентов участвует во всех видах внеучебной коммуникации. Однако соотношение между ними различно. Это различие и позволяет дополнить типологию, основанную на «учебных» переменных.

Существует немало определений «социальной группы»; довольно устоявшейся, часто цитируемой (хотя и в невысокой степени дифференцированной) является дефиниция Р. Мертона, который определял

социальную группу как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к группе и считаются ее членами с точки зрения других [4]. Среди современных методологических постулатов, касающихся социальных общностей, нам близки положения В. В. Радаева, О. И. Шкаратана и их учеников [5] о «реальных социальных группах», понимаемых как субъекты и объекты реальных отношений (власти, эксплуатации и т.д.). Эти социальные общности, по мнению указанных авторов, обладают измеряемыми (статистически и посредством опросов) потребностями и интересами, общими социальными нормами, общими ценностями, взаимной идентификацией, сходной мотивацией, символами, стилем жизни. Для них характерно самовоспроизводство. Они обладают системообразующими характеристиками, важнейшей из которых является целевая установка.

Реальность группы обуславливается также общностью территории, экономических условий существования и языка. В предлагаемой статье мы намерены конкретизировать объект социальной группы «студенчество», репродуцированной на условия и особенности Хабаровска, а в последующем параграфе дать его характеристики как социальной группы, выделить варианты внутри группы. Такие варианты условно назвали «типами вузов». Выбор термина связан с тем, что стратегии группы «студенчество» оказываются настолько различными, что создается впечатление в ходе интервьюирования, что речь идет о разных вузах, а не только о разных стратегиях. Под «типом вуза» мы понимаем социальное пространство, в котором реализуются базовые стратегии данного подтипа группы «студенчество». Источником информации о социальных стратегиях и их типологии выступают результаты формализованного опроса.

Строго говоря, в рамках современного университета объединяются три типа вузов, производственные, предпринимательские и маркетинговые структуры. Без них современный университет просто не способен выжить в агрессивной внешней среде трансформируемого общества. В отличие от академии наук, только собирающейся диверсифицировать свой ресурс, российские университеты эту работу уже проделали в 90-е годы XX в. Прделали ее и российские студенты. В силу их известной невключенности в социальную структуру, они смогли выработать оптимальные в условиях перехода стратегии социального поведения. Практически именно студенты, помимо желания педагогов и всей системы образования, проводили реформу. На повестке дня лишь ее легализация. Это обстоятельство особенно важно в ситуации вступления России в Болонский процесс. Опора на реальное распределение

стратегий поведения может стать лучшим направлением реформирования высшей школы. Каковы же направления этой реформы?

Еще начиная с петровских времен, существовала связь между уровнем образования и занимаемой должностью в государственной структуре. При всех потрясениях последних лет и веков эта связь сохранялась. Тем самым, система высшего образования выполняла важнейшую функцию «социального лифта», канала восходящей мобильности. Сегодня эта функция – обозначим ее как «социальную» – становится особенно значимой.

Изменение социально-экономических условий жизни в России конца XX в. привело к появлению принципиально новых видов деятельности. Новые рабочие места заполнялись людьми безотносительно к их образовательному статусу и «прошлой» профессии. В связи со стабилизацией системы государственного управления вновь возникло требование наличия специального образования. Особенно остро проблема встала как раз для тех, кто многие годы относительно успешно трудился в «новой» сфере. Ему нужен формальный допуск к профессии. За этим он и идет в вуз.

Этот подход к образованию более всего распространен у студентов ускоренных, заочных и дистанционных форм обучения. Но достаточно часто он проявляется и у студентов очной формы обучения. Высшее образование становится здесь свидетельством о социальной полноценности. Без него не берут даже продавцом в магазин. Несмотря на анекдотичность этой ситуации, она хорошо характеризует отношение к высшему образованию в целом. Важно отметить, что эта позиция совпадает и с одной из официальных доктрин, согласно которой образование должно «удержать» молодежь, которую не может принять производство. Соответственно именно в этот тип вуза оказываются включены студенты, ориентированные на «инициационный» и «инфантильный» образы студенчества. Последним важно продлить период беззаботного времени и получить доступ к тем или иным общественным благам. Для этой группы характерно спокойное отношение к взиманию платы за образование. Однако они не различают легальные и нелегальные выплаты. При поступлении они ориентированы на то, чтобы за плату получить доступ к бюджетным местам. Поскольку основной ценностью для этого типа является диплом, здесь проигрываются различные формы снижения издержек по его получению. При обучении активно используются неформальные способы получения зачетов и экзаменов. Сам факт получения зачета или экзамена перевешивает то обстоятельство, что они оказываются не связанными с получением знаний. Различие между типами проявляется только в организации

внеучебных стратегий. Носители четвертого образа ориентируются на создание сети друзей, которые в будущем помогут им сделать карьеру, пробиться в жизни. При этом ставка делается на «оказание услуг», символический обмен. Такой набор стратегий характерен для 29 % студентов.

Носители же первого типа ориентированы на максимально веселое времяпрепровождение. Они участвуют во всех формах самодеятельности, общественной деятельности. Большую часть времени проводят в местах молодежного отдыха. Именно такие студенты чаще всего выступают в качестве посредников при «решении вопроса» с преподавателем или деканатом. Они участвуют в общественных мероприятиях, но только, если это зачтется при сдаче сессии. Этот тип встречался в 19 % случаев.

В целом, эта группа составляет до 70 % студентов, попавших в выборку. Однако в ряде случаев ее носители могут быть отнесены к следующей подгруппе по дополнительным параметрам. Этот подтип обозначен нами как предпринимательский. Он берет свое начало еще с советских времен. Продолжает активно развиваться и традиционный для советских времен подход к образованию: подготовка специалистов для хозяйства края, региона, страны. В этом режиме работают сегодня большая часть дневных отделений вузов региона. Не случайно из трех вариантов подготовки выпускников – бакалавры, магистры, специалисты – большая часть вузов выбрала именно специалистов.

То обстоятельство, что пока российская промышленность, особенно в ее дальневосточном варианте, не проявляет особой потребности в специалистах, требует от вуза новых стратегий социального поведения в образовательном пространстве [3]. Все большее распространение получает идея предпринимательского университета. Смысл ее в том, чтобы не ориентироваться только на нужды существующих промышленных предприятий, но создавать новые наукоемкие производства, исходя из возможностей университета и качества трудовых ресурсов. Именно наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов и является здесь предпосылкой развития производства. Вуз ищет и часто находит социально-экономическую нишу, где его продукция (специалисты, технологические разработки, экспериментальные производства и т.д.) могут быть востребованы. Там, где этой востребованности нет, она создается за счет создания новых предприятий, стимулирования общественных потребностей. И здесь кооперация, интеграция просто необходима: ни один вуз не сможет сегодня сам осуществлять исследования рынка, проводить рекламные компании, проводить фундаментальные исследования, создавать технологические разработки и произ-

водства, их использующие. Здесь необходима целая инфраструктура, состоящая из фундаментальных и технических лабораторий, экспериментальных и поточных производств, маркетинговых служб, учебно-производственных и выставочных центров. В этой инфраструктуре место найдется всем: и вузам, и академии наук, региональной и федеральной власти. Уже сегодня значительно количество выпускников ориентируются на «предприятия при вузе». Так, 6 респондентов – студентов института информационных технологий - заявили, что хотели бы остаться работать в ООО «Noos» или в ХКЦНИТ. Именно для такой работы более всего подходит вузовское обучение.

Фундаментальные исследования, проводимые академической наукой, ее технологические разработки могут быть заказаны университетом. В свою очередь, академический институт может выступить заказчиком в подготовке специалистов, необходимых для проведения научных исследований в рамках академических программ. Представляется возможным и необходимым создание совместных выставочных залов и маркетинговых центров. Здесь также возможны две формы организации: на паритетных началах с равными долями вклада и равными возможностями распоряжаться мощностями и площадями, или на условиях оплаты одной организации услуг, оказываемых другой. Договорная система взаимодействия способна стать реальным шагом на пути действительной интеграции.

Другой формой организации совместной деятельности может стать временный научно-исследовательский коллектив (группа), созданный для решения конкретной задачи и существующий до ее решения. Заказчиком здесь может выступить и академическая наука, и вуз, и государственные, и промышленные структуры. Данные группы и коллективы создаются совместно, вне зависимости от ведомственной принадлежности и бюджетных ставок. Соответственно не возникает искушения использовать чужой ресурс для решения своих проблем. Совместная деятельность и разделение труда здесь ориентированы на результат, поскольку именно от него зависит финансирование. К этой разновидности группы могут быть отнесены носители «карьерного» и «архаического» образов студенчества. При всем их различии и тот, и другой ориентированы на получение навыков, которые позже будут конвертированы в трудоустройство. Здесь данные формализованного опроса не дают четких критериев для разграничения второго и третьего типов. Поэтому приходится использовать данные неформализованных интервью.

Однако, если носители «карьерного» образа ориентированы на реальные социальные условия, то носители образа, связанного с надеж-

дой на «хорошую учебу» ориентированы на обстоятельства исчезнувшие. Первая подгруппа «откупается» от предметов, которые, с ее точки зрения, не могут быть использованы в дальнейшем. Тем самым, экономится время на освоение основных предметов. К этому типу относятся 27 % студентов. К другому образу относится 18 % студентов. Здесь жестко исполняются все формальные требования. И все недоработки и перекосы в современной системе образования отражаются на ней самым негативным образом.

Но существует и третий тип вуза – вуз, в котором создается элита нации, воспроизводится основной потенциал науки. Здесь сотрудничество вузов с академическими структурами просто необходимо. Магистерские программы, аспирантура и докторантура могут стать сферой наиболее тесного сотрудничества вузов и НИИ в образовательной сфере. Подготовка научно-исследовательских кадров и педагогически кадров высшей квалификации могут быть реализованы в виде совместных образовательных программ, проектов, в рамках которых учебная и исследовательская деятельность будет совпадать. Будущие исследователи и преподаватели за время обучения пройдут путь от технического помощника, ассистента, до руководителя научного проекта. Такие элитные группы не должны быть большими. Но они должны быть. В противном случае, постоянное снижение уровня образования неизбежно так же, как и падение уровня науки. Для того чтобы эти сферы развивались, нужны лидеры и система их воспроизводства.

Таким образом, каждый из выделенных подтипов, на которые стратифицируется группа «студенчество» отражает определенный подход к социальной реальности, определенную ее часть. В этом плане каждая из них адекватна. Вместе с тем, эта адекватность не всегда совпадает с направленностью развития системы образования, потребностями общества. Так, достаточно очевидно, что первый из выделенных типов не может соответствовать реалиям Болонского процесса. В рамках этого процесса качество образования выводится на первое место. Следовательно, система «неформальных взаимодействий» в том виде, в котором она сложилась сегодня, не может сохраниться. С другой стороны, многочисленность первого подтипа ставит вопрос об известной неадекватности самого подхода. Возможно, что введение бакалавриата, как доступа в социальное пространство могло бы решить данную социальную проблему. Получив это звание, не сопряженное с овладением большого объема специализированных знаний, человек переходит в разряд «социально полноценных» и продолжает свою «длинную стратегию».

Несколько сложнее обстоит дело с представителями второго под-типа. Здесь совершенно неочевидно, что речь идет о так называемых «негативных стратегиях». Возможно, что именно здесь находится различие между профессиональным и универсальным (университетским) образованием. То, что совершенно необходимо исследователю, лидеру, может быть совершенно ненужным «предпринимателю», не претендующему на лидерские позиции. Соответственно формой утилизации представителей данного типа может стать изменение учебных планов, направленности обучения. Возможно, что назрела острая необходимость изменить соотношение вузов: университетов, академий, институтов.

Универсальное, элитное образование необходимо, но для относительно небольшой группы студентов, изначально обладающих лидерскими качествами. Здесь-то и оказывается бесценным опыт университетского образования, накопленный нашей страной в предшествующие столетия. Универсальность, элитность и ориентация на лидерство всегда были важнейшими качествами университетов в России. Этот опыт и может быть использован в отношении третьей группы. Немалую помощь здесь способна оказать академическая наука, которая должна быть интегрирована с вузовской. Что даст использование предлагаемых стратегий?

По отношению к первому выделенному типу введение и пропаганда бакалавриата дадут возможность совместить устремления данной социальной группы (подтверждение собственного социального статуса, право доступа к профессии или должности и т.д.) с потребностями общества. Неслучайно в рамках Болонских положений основная профессиональная подготовка отнесена к уровню магистра. Бакалавриат же основывается на общепрофессиональной и общеобразовательной подготовке. Формализация образования в этом плане даст возможность с легкостью осваивать этот уровень, проходя «обряд посвящения» в члены общества.

Для второй группы внешняя стратегия позволит преодолеть негативизм отношения к «неспециальным», чужим предметам. Их формализация даст возможность сосредоточиться на изучении предметов важных, способных к конвертации в карьере. Кроме того, большая часть представителей этой группы (27 % от общего числа опрошенных и 63% в данной подгруппе) совмещают учебу с работой. Этот позитивный в целом момент часто связан с невозможностью полноценно освоить учебный материал. Формализация общеобразовательных предметов в этом варианте позволит выделять время на этот вид деятельности. Более того, совмещение работы и учебного процесса сможет стать

основой для создания режима инновационного развития не только системы образования, но и промышленного производства.

Библиографические ссылки

1. *Березутский Ю. В.* Ценностно-мотивационный потенциал молодежи региона: социологический аспект (Хабаровск) // Березутский Ю.В. Материалы II Всероссийская научная конференция СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2005. Будущее России: стратегии развития. 14-15 декабря 2005 г. М., 2006.
2. *Барт* 1994 – Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1994.
3. *Гудков Л.* Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 4.
4. *Мертон Р. К.* Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в социологии. М., 1968. Вып. 1.
5. *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996.
6. *Соколов А. В.* Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социол. исслед. 2003.
7. *Чупров В. И.* Проблемы вторичной занятости учащейся молодежи: состояние и перспективы // Социол. исслед. 1996. № 9.